

УДК 360.728:64.08(470.21)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.30

Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья)¹

© Сулейманова Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона. E-mail: sul-olesya@yandex.ru

Кольский научный центр Российской академии наук, г. Апатиты, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению смыслов и функций семейных вещей в процессе переезда на новое место жительства современными горожанами Кольского Севера. Смена места жительства всегда сопряжена с прерыванием устоявшегося быта и привычного размещения вещей. Выявлено, что в процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных её элементов и изменению статуса вещей.

Ключевые слова: адаптация, быт, вещь, жилище, Кольский Север, память, переезд, семантика

Moving to a new place of residence: the item semantization in modern culture (on materials of the Kola Polar region)

© Olesya A. Suleymanova, Candidate Sci. (Hist.), junior researcher, Barents Center for Humanities. E-mail: sul-olesya@yandex.ru

The Kola Science Center of Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia.

Abstract. The article is devoted to the study of the meanings and functions of family things in the process of moving to a new place residence of modern citizens of the Kola North. The change of place of residence is always interfaced with the interruption of established life and the habitual placement of things. It is revealed that in the process of moving the subject environment of the family is reorganized and transformed completely or partially that leads to the accelerated change of meaning of its separate elements and change of the status of things.

Keywords: adaptation, way of life, thing, dwelling, the Kola North, memory, moving, semantics

Об исследовании

Интерес к проблеме перемещения вещей возник неслучайно и связан с историко-демографическими особенностями изучаемого этнокультурного ареала. В силу особенностей освоения территории Кольского Севера его население на протяжении XX в. было вовлечено в интенсивные миграционные процессы [1, Разумова И.А., с. 290–298]. Так, в период с 1926 по 1989 гг. население Мурманской области выросло в 36,3 раза, а с 1990 г. наблюдался резкий отток населения². Одновременно, в связи с особенностями региональной инфра-

¹ Статья выполнена по материалам диссертационного исследования: Сулейманова О.А. Семейные вещи в процессе переезда (на примере городских семей Кольского Севера): на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.07. ФБГУН Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2016. 197 с.

² Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том 9. С. 2–13; Том 17. С. 2–3. URL: http://wiki.laser.ru/index.php/Всесоюзная_перепись_населения_1926_г. (дата обращения: 17.03.2016); Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.:

структуры, жители достаточно активно перемещаются и в пределах самой области. Как следствие, почти каждая семья, проживающая в данном регионе, имеет в своей истории опыт переезда. Все эти процессы не могут не сказываться на быте северян. В связи с этим принято исследование, нацеленное на анализ динамических аспектов жизни вещей, их смысловых и функциональных изменений в процессе переезда.

Актуальность исследования вещевого поведения в процессе переезда обусловлена также тем, что общество постмодерна как социокультурный феномен требует нового понимания потребления [2, Douglas M., Isherwood B.; 3, Ракитных М.Б.], а семиотический анализ способствует изучению символических аспектов потребления, в том числе углублённому пониманию процессов семиозиса (наделения смыслами и переозначивания вещей). Процессы семиозиса особенно чётко прослеживаются в кризисных ситуациях, когда актуализируются многие смыслы вещей и осуществляемых с ними действий, происходит переоценка ценностей. К таким ситуациям относится переезд, он выявляет константы и особенности обращения с вещами и наделения их смыслами в культуре различных общностей, в том числе семейных и этнических.

Семьи в изучаемом нами регионе (на Кольском Севере) — по преимуществу городские. Малые города Мурманской области строились и осваивались их нынешними жителями в советский период. Приезжие не только «строили» города, но и формировали современную городскую культуру региона.

Мы обратились к биографическому опыту тех, кто в советский и постсоветский периоды переселялся на Кольский полуостров. Материалом послужили интервью с жителями городов Мурманской области (гг. Апатиты, Кировск, Кандалакша). Это тексты семейно-биографических интервью. Из числа опрошенных были как прибывшие на Кольский Север из других областей России, так и из стран бывшего СССР. Сбор сведений осуществлялся в 2009–2015 гг., всего был проинтервьюирован 51 человек. Кроме того, использовались полевые источники из личного архива И.А. Разумовой: письменные опросы, самозаписи, записи интервью и документы семейных архивов. Из 110 источников (каждый представляет запись одного информанта) за 2001–2004 и 2006 гг. отобраны в качестве основных тексты 19 информантов в возрасте от 1945 г.р. до 1988 г.р., проживающих в городах Полярные Зори, Снежногорск, Мончегорск, Кировск и имеющих опыт переезда (в пределах города, страны и т.п.).

Финансы и статистика, 1990. 45 с; Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2012. Том 1. 75 с.

Теоретико-методологические основания представили труды ведущих отечественных исследователей в области семиотики вещей и пространства: П.Г. Богатырева, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, А.К. Байбурина, О.А. Седаковой [4–11] и других авторов, в которых акцентирован культурно-антропологический аспект вещей. Мы исходим из того, что глубинные аспекты функционирования вещей проявляются лишь при условии изучения их в единстве «вещности» и «знаковости», а «история вещей может быть представлена как движение по шкале семиотичности», причём «изменение семиотичности вещей на современном этапе прослеживается легче, чем в древности, благодаря большей гибкости информационной структуры общества» [8, Байбурин А.К., с. 9].

В данном исследовании семья рассматривается как коллективный носитель культуры и традиций определённого общества, в котором она существует и к которому принадлежит. Семья адаптирует, модифицирует, использует, создаёт и передаёт культурные ценности. Специфика семейной коммуникации заключается в том, что у участников есть общий опыт, общая память. Семейно-историческое знание помогает человеку самоопределиваться по целому ряду признаков: в сфере личных качеств, антропологических характеристик, этнической, социальной, локальной принадлежности и т.п. Семейная память передаётся как вербально, так и через семейные фотографии, памятные вещи, семейные реликвии и т.п. Для определения функций и смыслов отдельных категорий семейных вещей, их типологизации существенное значение имеют актуальные в настоящее время исследования по теории социальной памяти [12–15].

Функционирование и смыслы домашних вещей в пространстве жилища

Интерьер жилища — это сложное культурное явление, которое тесно связано с социальной средой и детерминировано различными факторами. Так или иначе, оформление быта, организация пространства жилища предопределены системой ценностей, которая лежит в основе мировосприятия. Здесь проявляются индивидуальные особенности людей и семей, детерминированные социокультурно и этнокультурно. Сколько бы ни представлялась гомогенной урбанистическая культура, современное городское жилище существует в многообразии этнокультурных вариантов подобно тому, как это наблюдается в традиционных культурах. Только в том и другом случаях вариативность является следствием действия разных факторов.

В восточнославянском жилище каждая вещь и предмет интерьера имели свою определённую функцию и располагались строго в соответствии с традицией. Изучение традиционного жилища разных народов и элементов его интерьера всегда составляло один из прио-

ритетов этнографии [8, Байбурун А.К., с. 16–26]. В традиционной культуре дом символически «нагружен», это не просто материальный объект. С понятием «дом» в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира.

Если традиционное сельское жилище изучено основательно, то более или менее систематические исследования городского жилища ведутся только с конца 1950-х – начала 1960-х гг. [27; 28, Крупянская В.Ю.; 29, Анохина Л.А.; 30, Уразманова Р.К.; 31, Фельдман М.А.]. Результаты посвящены описанию советского периода, в то время как вещевое поведение постсоветского времени, несмотря на известную активизацию интереса к теме, остается менее изученным.

В рамках данного исследования нас интересует наиболее распространённый, но всё-таки «частный» случай, когда группа, идентифицируемая как «семья», располагает совместным жилищем (или жилым комплексом). В этом случае можно говорить о наличии семейной культуры жилища или о семейной жилой среде. Независимо от его типа («дом», «квартира» и т.п.), такое жилище вместе с заполняющими его предметами, их структурными и функциональными взаимосвязями между собой и с жилищем в целом определяется понятиями «домашняя материальная среда», «домашний пространственно-предметный мир».

Изучать жилую среду можно в двух основных ракурсах. С одной стороны, у неё есть объективные свойства: способы организации домашнего пространства, характеристики предметов и т.п. С другой стороны, реальное использование пространства и предметов не только определяется совокупностью культурных контекстов, но в высшей степени субъективировано.

Под семейными вещами можно понимать весь материально-предметный мир, в который погружается семья. Он включает и мебель, и посуду, и даже разные безделушки, то есть все предметы, которые приобретались или изготавливались членами семейно-родственной группы и потребляются ею. Все остальные вещи можно условно обозначить как «производственные» (оборудование, техника в сфере производства), «общественные» (скамейки в парке, уличные фонари и т.п.), «историко-культурные» (памятники культуры, музейные экспонаты). Разумеется, эти обозначения условны и взаимозаменяемы. Так, памятники культуры являются общественным достоянием, и перед тем как стать таковыми, они были кем-то и зачем-то произведены.

Семейными можно считать вещи, которые: 1) существуют в семье и составляют её материально-предметную среду; 2) определённым образом характеризуют эту среду (например, являются показателем социально-экономического положения семьи); 3) воссоздают особенности быта семей различных этнических групп; 4) помогают через реконструирование

быта семьи воссоздать социальную среду (бытовой стиль эпохи); 5) символизируют и помогают сохранять семейную историю и память конкретных семей; 6) составляют семейную собственность в случае, когда к конкретной вещи причастны все члены семьи (например, мебель, посуда используются всеми членами семьи; если же в семье есть реликвия, которую все они признают таковой — это тоже семейная собственность); 7) находятся в личном пользовании отдельных представителей семьи или являются «значимыми» только для одного её представителя; 8) принадлежат членам семьи в пределах жилой среды (дома, квартиры).

По функциональному основанию все вещи, включённые в материально-предметный мир семьи (жилища), можно распределить на три условные группы: бытовые, декоративные и мемориальные. Предметы первой группы в пространстве семейного жилища исполняют роль помощников в быту (нож, стул, стол и т.п.), вторые служат его украшением (картина, ваза и т.п.), а третьи хранят память о каких-либо событиях истории семейно-родственного сообщества (альбом с фотографиями, сувениры, семейная реликвия и т.п.). Эта классификация достаточно условна, поскольку декоративные вещи одновременно могут и быть мемориальными, и входить в разряд бытовых вещей. Семейные вещи могут быть типологизированы по разным основаниям, но в соответствии с избранным подходом главным критерием является их позиция на шкале семиотичности (утилитарное/символическое значение). Бытовые и мемориальные вещи могут наделяться различными характеристиками, начиная от их стоимости и включая внешние характеристики. Вещь может быть дорогой/дешёвой, престижной/непрестижной, красивой/уродливой и т.п.

В каждой семье есть вещи, которые используются и воспринимаются как «чисто бытовые». Прагматичным чаще всего является отношение к предметам мебели, бытовой техники, утвари. Без них трудно представить семейный быт, но они, на первый взгляд, не играют никакой роли в семейной истории. Такие вещи актуальны в настоящем, сами по себе они могут символизировать время, его технологии и тому подобное, но с «внутрисемейной точки зрения» не обладают какими-либо символическими значениями. Утилитарные вещи являются объективным показателем социального, профессионального статуса, экономического положения, увлечений семьи или индивида, санитарно-гигиенических норм и привычек и т.д. Обозначение «бытовые» указывает на удовлетворение с помощью этих вещей прежде всего обыденных потребностей. Мир бытовых вещей бесконечно многообразен.

Особое место в предметном мире семьи занимает группа вещей, которые можно обозначить как «памятные» («мемориальные»). Основной их функцией является сохранение памяти о событиях, местах, людях и тому подобном.

Индивидуальная память зависит от степени и характера её вовлеченности в различные группы, начиная с семьи. Среди разных видов памяти особое место занимает предметная, воплощенная в вещах, выполняющих функцию «места памяти» [12, Нора П., с. 17–50; 14, Ассман Я., с. 20]. Личная вещь каждого члена семьи так или иначе включена в общий предметный мир родственной группы и при определённых обстоятельствах она оказывается частью общего фонда семейной памяти или переходит в разряд семейных реликвий. Памятные вещи бывают ценными в прямом, материальном смысле, они могут использоваться по целевому утилитарному назначению, а могут иметь только символическую ценность, которая определяется особым отношением к вещи, выступающей посредником в сохранении памяти о чём-то значимом в жизни индивида, семьи. В таком случае физические и функциональные характеристики предметов отступают на второй план.

В результате бесед, интервью, знакомства с предметным миром городских семей Мурманской области были выделены, помимо семейных реликвий, различные типы памятных вещей, которые мы обозначили как «индивидуальные памятные вещи»; «памятные вещи родственников»; «памятные вещи, связанные с «общественными» достижениями»; «вещи-память об этнической, национальной и религиозной принадлежности»; «вещи-память о территориальной, локальной принадлежности».

Вещи, функционирующие в современных семьях северян, можно также распределить по ряду темпоральных критериев. Оснований для классификации может быть несколько: по принадлежности к исторической эпохе или конкретному периоду («старинная», «советская», «довоенная», «современная» вещь), длительности использования («старая» / «новая» вещь); соответствия стилю времени («модная» / «немодная»). «Смысловое значение вещи не может быть понято без знания конкретно-исторических условий жизни людей, истории культуры (как материальной, так и духовной)» [32, Миролубова Л.Р., с. 59].

Вещи в процессе переезда (в пространстве «дороги»)

В процессе переезда происходит реорганизация предметного мира семьи. Вещи, находящиеся в пространстве «дороги», на определённое время теряют статус «домашних». «Дорога» — ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции. Дорожные обычаи и представления неоднократно оказывались в фокусе этнографических исследований [33, Агапкина Т.А.; 34, Топоров В.Н.; 35, Толстая С.М.; 36, Кляус В.Л.; 37, Цивьян Т.В.; 38, Щепанская Т.Б.].

Все вещи, находящиеся в пути, можно разделить на две основные группы: багаж и дорожные вещи. В ситуации переселения при сборах в дорогу весь предметный мир свора-

чивается в некий вещевой комплекс под названием «багаж» с неизбежной потерей его определённой части в результате отбора (часть вещей продаётся, раздаётся или выкидывается).

В толковом словаре В. Даля «багаж» определяется как «*поклажа, пожитки, вещи, скарб, имущество, кладь, особенно дорожная*» [39]. В толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова даны сходные определения: багаж – это «*вещи, груз пассажиров, упакованные для отправки, перевозки. <...>. Ручной багаж (вещи пассажира, находящиеся при нем)*» [40; 41]. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой под багажом понимаются «*упакованные вещи, которые берёт с собою в дорогу пассажир*» [42]. В рамках данного исследования под багажом понимаются любые вещи, предметы быта, которые семья или индивид перевозит из прежнего места жительства в новый дом.

Определение понятия «дорожные вещи» удалось обнаружить лишь в толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева: «*дорожным* называют предмет, который вы берёте с собой, когда едете куда-либо, путешествуете» [43]. Т.Б. Щепанская подразделяет дорожные вещи на две основные группы: снаряжение — средства жизнеобеспечения в дороге, и памятки-обереги — вещи, имевшие скорее символическую ценность [38, Щепанская Т.Б., с. 109]. Данные на память вещи должны были предотвратить полное отчуждение уходящего, сохраняя его незримую связь с родиной и домом. Эта связь только временно блокировалась, сворачивалась в символ (ту же памятную вещь). В настоящее время дорожные вещи-обереги продолжают существовать. Т.Б. Щепанская в специальном исследовании показала, как такого рода вещи функционируют в среде водителей [44]. Одни вещи выступают в качестве защиты от «непредвиденных ситуаций», среди них утилитарные (монтировка, бита и т.п.) и символические (например, образы святых); другие напоминают о доме (игрушки на лобовом стекле) и тому подобное. Кроме того, к дорожным необходимо отнести такие вещи, которые используются в дороге в качестве «тары» или средств упаковки и переноски грузов. Традиционным средствам передвижения и дорожному снаряжению посвящены отдельные этнографические исследования [45; 46; 47; 48, Васильев М.И.; 49, Лебедева А.А.]. В настоящее время в качестве дорожной утвари выступают сумки, чемоданы, иногда для удобства транспортировки используют коробки.

В каждой семье, которой приходится сталкиваться со сменой места жительства, практически всегда есть *ответственное за переезд лицо*. Как правило, это член семьи, который либо имел опыт переезда, либо, по собственному мнению или мнению других родственников, знает, как правильно организовать сам процесс. Чаще всего это старшая женщина в се-

мье (бабушка, мама, тётя). В некоторых случаях ответственных за переезд может быть двое, обычно муж и жена. Считается, что женщины более ответственны, и, по мнению мужчин, «у них это лучше получается». В процессе подготовки к переезду в семье происходит неформальное распределение обязанностей, которое особенно хорошо прослеживается на стадии транспортировки и сбора багажа, когда у каждого члена семьи определяется своя роль. Обычно женщины в семье отвечают за отбор нужных вещей и правильную упаковку. В случаях, когда упаковка требует значительных физических усилий, женщины, как правило, инструктируют и контролируют соответствующие действия мужчин. Мужчины помогают переносить вещи (разгружать, загружать), дети могут охранять багаж и выполнять разные мелкие поручения (например, принести из магазина коробки для упаковки вещей). Конечно, распределение ролей в разных семьях варьируется: *«Мы активно с братом таскали вещи. Понятно, что маленькие такие, небольшие, посильные. Собрать коробки — это мама делала без нас, насколько я помню, но вот таскали мы очень даже»* (1)³.

Упаковка вещей — важный этап переезда. От правильности упаковки зависит сохранность вещей в ходе транспортировки. У каждого индивида семьи есть свои приёмы и способы, как правильно упаковать вещи. Прибегают к разным источникам практических знаний: кто-то пользуется советами родителей, родственников, а представители современной молодёжи обращаются к Интернет-ресурсам.

На обращении с вещами сказываются такие факторы как возраст, материальное положение, состав переезжающих, мотивы переселения, установка на временное или постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте и другие факторы. Естественно, когда на постоянное жительство переезжают люди семейные и с детьми, они основательнее подходят к сбору багажа. Представители молодёжи, как правило, почти ничего с собой не берут, кроме техники и лично значимых вещей. Молодёжь, по собственным и сторонним оценкам, *«стремится к минимализму»*, *«легко расстаётся с вещами»*, *«ориентируется на моду»*, *«не держится за вещи»*. Люди старшего поколения (особенно пожилые люди) стараются забрать с собой как можно больше, а по возможности — всё нажитое.

В процессе переезда поведение в отношении разных типов семейных вещей — мемориальных и сугубо быденных — варьируется. Различия очевидны на всех стадиях подготовки и осуществления переезда. Более бережным является отношение к мемориальным вещам. Различны критерии, по которым сортируются при отъезде вещи этих типов, неодинаков процесс их транспортировки. Исследование показало, что абсолютное большинство

³ Порядковый номер информанта.

переезжающих на Кольский Север, независимо от возраста и индивидуального отношения к вещам, стремилось сохранить при себе предметы, которые относились к семейным реликвиям. В особенности это касается фотографий и семейных альбомов. Такое поведение рассматривается как само собой разумеющееся, многие информанты подтверждали его лишь в ответ на уточняющий вопрос («конечно», «а как же», «в первую очередь», «обязательно»).

Бытовые вещи, как правило, отбираются на основе практических соображений: учитываются их стоимость, функциональность, удобство в использовании, степень сохранности. Значительная переорганизация предметного мира семьи при переезде связана, прежде всего, с избавлением от вещей определённых категорий. В большинстве случаев это предметы, которые признают ненужными и устаревшими: *«Когда готовились к переезду, то, конечно, в первую очередь избавлялись от всякого хлама. <...>. Это те старые вещи, которые давно было пора выкинуть, но как-то всё руки не доходили»* (2). Выбрасывались в первую очередь старые, не используемые вещи («барахло», «хлам»), которые хранились на чердаке, в сарае, кладовке, давно утратили функциональность, устарели, но их было жалко выбросить. Большинство переезжавших не хотели забирать их в «новую жизнь». В других случаях такое поведение мотивируется невозможностью перевезти все вещи в силу каких-то причин: отсутствия достаточного количества жилой площади на новом месте, трудностей транспортировки и т.п. Мемориальные семейные вещи меньше подвержены такой сортировке. Их стараются перевезти в целостности и сохранности, а о том, чтобы раздать или выбросить, и речи быть не может. Встречаются, конечно, исключения.

В процессе переезда наиболее ценные вещи принято держать «при себе» или «ближе к себе». На обращение с данными вещами почти не влияют экономические, социальные и прочие обстоятельства. Здесь большую роль играет личностный, психологический фактор. В первую очередь забирали семейные фотографии. Часто в рассказах переселенцев из деревень среди вещей, взятых на память, отмечаются иконы: *«Бабушка рассказывала, что дедушкина мать, перед тем как они уехали на север к деду, сняла с красного угла складень, завернула его в платок, на котором он стоял, положила в мешок и отдала со словами: “Передай сыну, а он пусть передаст Верке, когда вырастет”»* (3). Старшие родственники старались передать икону как семейную реликвию и оберег, чтобы та охраняла близких в дороге и на новом месте от разных бед. Кроме того, переселенцы забирали на память те предметы, с которыми были связаны эмоционально, поскольку те отождествлялись с оставленным домом и родными. Чаще всего это были вещи, сделанные руками близких (отца,

матери, бабушки): *«Моя мама хранит дома старые бабушкины платки, скатерти, ткани, которые бабушка со своими сестрами сделала своими руками»* (4).

Среди всех типов памятных вещей семейные реликвии занимают особое место. В представлениях людей понятия «реликвия» и «вещь-память» интерпретируются и соотносятся между собой по-разному. Для одних они являются синонимами, для других обозначают абсолютно разные категории предметов. В частности, разграничение между «реликвиями» и памятными вещами может проводиться по критерию коллективности / индивидуальности воплощённой в них памяти или собственности на них. С этой точки зрения, «реликвии» — всегда «семейные». Анализ словоупотребления показывает разнообразие вариаций при использовании данных терминов. Так или иначе, после уточняющих вопросов информанты сами начинали объяснять, что означает для них «семейная реликвия», а что — «памятная вещь». Статус «семейной реликвии» намного выше, чем у остальных видов «памятных вещей». Отсюда и более эмоциональное отношение к ним при переезде. Поскольку все семейные реликвии наделены высокой символической ценностью, а некоторые обладают и ценностью материальной, их при любых обстоятельствах стараются уберечь и сохранить [50, Разумова И.А., с. 3–76; 51, Разумова И.А.; 52, 53, Сулейманова О.А.].

Индивидуальные памятные вещи хранятся относительно непродолжительное время. Связано это с тем, что зачастую в качестве таковых выступают мелкие вещицы и безделушки (вплоть до билетов, оставшихся после посещения музея), и хранятся они до тех пор, пока вызывают определенные эмоции у их обладателя. Обычно индивидуальные памятные вещи теряют свой статус и актуальность со смертью владельца. Но возможна иная их судьба: памятные вещи близких и родственников становятся семейной реликвией и начинают передаваться по наследству. Для того чтобы стать реликвией, вещь должна быть «выделена» из множества других. Как правило, это только очень оригинальная по форме или ценная в материальном плане вещь. К таким относятся ювелирные украшения или эстетически высоко оцениваемые вещи. Тем интереснее случаи исключительной символизации предметов, не обладающих никакой товарной или эстетической ценностью, значимых только для узкого круга лиц и по единственному основанию — служить памятью. Например, в одной из семей северян в качестве реликвии хранится кусочек мыла.

Некоторые люди в течение жизни накапливают достаточно большое количество памятных вещей и могут периодически избавляться от них. Переезд способствует этому процессу. Переезжающие на новое место жительства стараются освободиться от всего «лишнего». Стремление «не захламлять» новую квартиру (дом), а также трудности транспортировки

способствуют избавлению даже от таких вещей, которые до этого считались «очень нужными». Чаще это вещи, которые имеют мемориальную ценность для индивида и при этом не имеют материальной ценности. Как правило, к ним относятся предметы, связанные с личной биографией, но не имеющие отношения к другим людям (друзьям, родственникам). Среди них, например, ученические тетради, напоминающие о собственном детстве и отрочестве, входные билеты — свидетельство посещения каких-то мест, коллекции, которые утратили актуальность в силу изменения сферы интересов и не имеют материальной ценности (собрания фантиков, бутылок и т.п.).

Свойство со временем терять актуальность отличает памятные вещи от семейных реликвий. Семейную реликвию никогда не выкинут из-за того, что её трудно транспортировать или в новом доме для неё не хватит места. В отношении семейных реликвий вообще не возникает таких вопросов, могут действовать только экстренные обстоятельства. Статус памятных вещей очень неустойчив. Они постоянно балансируют между возможностями стать семейной реликвией или оказаться на помойке. Так или иначе, в ситуации переезда в отношении этих вещей возникает сильная рефлексия. Реальные предметы, которые удалось спасти, представляют особый повод для гордости. Кроме того, выяснилось, что чем больше сложностей возникает в процессе транспортировки какой-либо вещи, тем более возрастает её символическая ценность: *«Сколько было сложностей перевести эти ковры из Краснодара в Апатиты! Они теперь лежат скрученные за стенкой, ждут своего часа. Вот сын женится, ему по наследству перейдут. Для меня они уже не просто обычные ковры, а с ними связано столько воспоминаний, как я их пёрла оттуда»* (5).

Таким образом, практики обращения с вещами в процессе переезда зависят не только от обстоятельств переезда, но и от ценности вещи для семьи и отдельных её членов. При селекции вещей и выборе способов транспортировки переселенцы ориентируются на мемориальную, материальную и символическую ценность предметов.

***«В новую квартиру со старыми вещами»:
вещь как средство адаптации на новом месте жительства***

За перемещением следует процесс освоения необжитого пространства. Знакомство с предметным миром горожан Мурманской области (гг. Апатиты, Кировск, Кандалакша) показало, что при создании интерьера жилища закономерно выявляется, формируется, меняется отношение новосёлов к отдельным вещам и их категориям (мебели, посуде, бытовой технике, интерьерным украшениям и т.п.).

На обустройство быта на новом месте влияют сам процесс переезда и связанные с ним аспекты вещевого поведения. Для того чтобы начать обустраиваться, надо сначала покинуть старое жилье, перевезти свои вещи, пережить связанные с этим трудности. В этнографической традиции концепт «дороги» противопоставлен концепту «дома». Дом ассоциируется со стабильностью, оседлостью, местом обжитым и «своим», дорога — это движение, нестабильность положения, «чужое» и неизвестное. В то же время дом и дорога связаны как разные полюса единой шкалы, сочетающей оседлость и подвижность. Как отмечает А.В. Головнев, «в антропологии движения динамика и статика противопоставляются лишь для показа их переменности и диапазона промежуточных состояний. Речь идёт не о замене статических измерений динамическими, а о двухмерности» [54, Головнев А.В., с. 4–14].

Возможны различные варианты переездов в зависимости от изменений, которые претерпевает семья: 1) собственно переселение, когда переезжает вся семья; 2) разделение, если отселяется часть семьи, 3) отделение — уезжает один человек. В зависимости от типа переезда и состава переезжающих варьируется и вещевое поведение. Во всех случаях происходит полная или частичная трансформация предметного мира семьи.

Если переезжает вся семья, то, как правило, происходит просто перенос имущества из одного дома в другой. Естественно, что предметный мир так или иначе трансформируется. Часть вещей может пострадать во время переезда, что-то предпочтут выбросить сами хозяева и т.п. Однако в большинстве случаев не происходит кардинальных изменений. Исключение составляет ситуация вынужденного (экстренного) переселения.

Переезд из родительского дома одного из членов семьи отличается тем, что реорганизация происходит за счёт переноса части предметного фонда семьи на новое место жительства. Ритуальную параллель представляет перераспределение «доли» в обрядах жизненного цикла человека с целью стабилизации кризисной ситуации, обеспечения благополучного перехода [55, Седакова О., с. 54–63]. Выделяется имущественная доля из организованного и упорядоченного предметного мира. Покидающий родительский дом человек, как правило, забирает не только свои личные вещи, но и вещи общего пользования, поскольку он ещё не успел обзавестись своими собственными необходимыми в быту вещами. Таким образом происходит перераспределение предметного фонда семьи. «Доля», которую выделяют уезжающему, в каждом случае зависит как от материальных возможностей семьи, так и от индивидуальных предпочтений переезжающего: *«Студенту что надо, в принципе, — где поспать. Ну, мебель-то там была кое-какая. Ну и, в основном, это такая утварь, наподобие, там кастрюлю мама выделила, сковородку, утюг. Из вещей так-то вот,*

именно такое необходимое, плюс одежда» (6).

В процессе переезда некоторые вещи получают «вторую» жизнь. Например, то, что давно хранилось в гараже, сарае (даже были случаи, когда вещи приносили с помойки) отдаются отделившимся детям, ссылаясь на то, что за неимением иного и это сойдёт на первое время.

При переезде семейные вещи могут менять и часто меняют свой статус. Предметы быта, которые до этого использовались в чисто утилитарном назначении или выполняли декоративные функции, могут стать семейными реликвиями: *«Я из родительского дома забрала салфетки, связанные крючком. <...>. У родителей они просто пылились, а у меня они хранятся с трепетом.<...>. Забрала как память о маме, чтобы сохранить, так сказать» (7).* В частности, ряд предметов из статуса семейных (которыми пользовались все члены семьи) переходит в разряд вещей индивидуального пользования; у вещей появляются «вторая» жизнь и новая история.

Как отмечает И.А. Разумова, в настоящее время «основные ритуальные моменты при вселении соблюдаются не только сельскими, но и городскими жителями» [50, с. 131]. На сегодняшний день в культуре городских жителей Кольского Севера можно наблюдать соблюдение некоторых элементов традиционного обряда перехода в новый дом при переезде на новое место жительства. Некоторые из информантов рассказывали, что первой запускали в дом кошку или кота, и на том месте, где животное предпочтёт задержаться, решали ставить детскую кроватку или устроить спальное место. Встречались сообщения об использовании различных оберегов, например, подвешивании подковы над дверью. Конечно, такого рода ритуальные действия несколько модифицировались в современных условиях.

Переехавшие сталкиваются с трудностями, которые связаны с восприятием нового места как «необжитого» или «чужого». Приходится заново создавать свой дом и привыкать к нему. Если переезды случаются часто, такое восприятие либо становится дополнительным стрессовым фактором, либо, наоборот, притупляется и исчезает (формируется модель «дом там, где я в данный момент): *«Я люблю, когда в доме порядок и всё лежит на своих местах.<...>. После переезда долгое время не могли ничего найти, забывали, где что лежит. Всё это меня просто настолько выбивало из колеи, что руки просто опускались, и ничего не хотелось делать» (8).* Как видно, перемена в расстановке вещей приводит к психологическому дискомфорту. Человек рассматривает предметное окружение не только как средство обеспечения функциональных процессов, но и как необходимую индивидуальную сферу, связанную с особенностями и своеобразием его личности.

Необжитое пространство воспринимается как «чужое», «холодное», «неуютное». Старые вещи помогают сделать пространство более привычным и освоенным. По этой причине многие переезжающие забирают с собой личные вещи, которые имеют символическую значимость: *«Забирали всякие безделушки, да, хотя муж ворчал, что не надо захламлять новую квартиру. Не знаю, как это объяснить, но мне было бы как-то не по себе, если бы пришлось жить среди всего нового и незнакомого»* (9). По мнению информантов, такого рода вещи, несмотря на всю их бесполезность, помогают меньше скучать по дому, оставленным друзьям, не чувствовать себя одиноким на новом месте — то есть они связывают с прежним местом жительства и выступают в функции коммуникантов.

Покидая родительский дом, дети часто забирают безделушки (статуэтки, игрушки и т.п.) родственников, «чтобы меньше скучать по дому и близким». Если до отъезда такого рода вещи служили для создания уюта или использовались в других целях, то теперь они приобретают дополнительный смысл. Обычно старые вещи или безделушки в родительском доме считаются «захламляющими» пространство, их периодически хотят выбросить, но по каким-либо причинам «жалеют». Когда отъезжающий перевозит их на новое место жительства, эти предметы начинают восприниматься иначе, служат для «связи» со старым домом и «одомашнивания» нового, создавая ощущение комфортности.

Как подтвердило исследование, молодёжь легче адаптируется на новом месте. Однако встречались случаи, когда молодые люди устраивали в своей квартире «музей» памятных вещей, храня разнообразные безделушки, а также вещи родственников. Закономерно, что люди среднего и пожилого возраста чаще воспринимают вещи как часть своей биографии. Наживание имущества — это важная линия прожитой жизни: история того, как зарабатывалось имущество, как оно «доставалось» и тому подобное. Вещи дают спокойствие, ощущение стабильности. Этот «механизм защиты вещами в повседневной практике пожилых людей» подробно проанализирован М.Э. Елютиной [56, Елютина М.Э., с. 101–109].

Как правило, символическая значимость вещи тем более возрастает при переезде, чем дальше расстояние или чётче граница, разделяющая родственников. Одно дело — переезд в пределах области, другое — эмиграция в дальнюю страну. Этнические мигранты, проживающие в городах Кольского Севера, отмечали, что привычные для них в быту вещи в новой, иноэтничной среде становились больше чем просто бытовыми предметами. Они напоминали о родине, прошлом образе жизни, о людях, приходивших в их дом, и о многом другом, то есть становились коммеморативными вещами.

Способ адаптации зависит от типа пространства. На съёмной квартире решающим фактором является нестабильное положение проживающего (в любой момент могут попросить освободить жильё). Переезд в собственную новую квартиру сопровождается стремлением новосёлов заменить старые вещи новыми, минимизировать присутствие старых вещей на новой квартире. В общежитие, напротив, забирают из дома то, что похуже. Переезд на новую квартиру нередко является поводом избавиться от старых и надоевших вещей. Для молодых респондентов характерна установка: «новая жизнь — новые вещи».

Переезд из «инонациональных» регионов представителей этнических культур — особый случай. К обязательным условиям успешной социальной адаптации этнических мигрантов относится постепенная трансформация материально-предметной среды жизни на новом месте. Для того чтобы переселенец чувствовал себя комфортно и мог вести привычный образ жизни, ему необходима соответствующая материально-бытовая среда. Её созданию способствуют привезённые «национальные» вещи (одежда, посуда): *«Мне приятно пить чай не из кружек там разных, а из пиал. <...>. Готовить на сковороде, например, мне не очень удобно. Хорошо, что есть у нас казаны — и маленький, и большой»* (10). Посуда для приготовления пищи относится к предметам первой необходимости, и её использование на новом месте можно считать элементом бытовой адаптации. Чем южнее регион выезда, тем большее значение для переселенцев имеют климатические различия, тем более экзотичным оказывается Север: *«Привезла с собой из Таджикистана всякие платья, сарафаны. Очень много у меня красивых летних вещей, а надеть их здесь, учитывая какое здесь короткое и холодное лето, думаю, так и не получится»* (11). Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками в обращении с вещами. Некоторые переселенцы не имели ясного представления о северном климате и попадали врасплох. В автобиографических рассказах очень устойчив мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви северным условиям жизни. Некоторые вещи, привычные в прошлом быту, в иноэтнической среде перестают быть употребительными, их используют только по праздникам. Кроме того, этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды. Одни не смогли привезти её в силу обстоятельств; другим жалко носить, так как предмет в одном экземпляре; кому-то стыдно (обычно молодым). Таким образом, национальные вещи могут переходить в разряд хранимых экспонатов.

Подводя итог, подчеркнём, что отдельные категории вещей могут выступать в функции культурно-психологического «стабилизатора», помогая привыкнуть к новым условиям и преодолеть разрыв с прежним местом и временем жизни.

Заключение

Проведённое исследование показало, что перемещение оказывает влияние на семантику и функции вещей. Любое пространственное перемещение может сказаться на статусе и назначении предмета, и, напротив, изменение статуса или функции вещи приводит к смене её местоположения. В процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных её элементов и изменению статуса вещей.

На всех стадиях подготовки и осуществления переезда различается поведение по отношению к вещам с различным статусом. Это касается и критериев их селекции, и процесса транспортировки. На подготовительном этапе осуществляются действия по «собираанию» и «отбору» (категоризации), связанные с избавлением от определённых категорий вещей. Менее всего подвержены сортировке мемориальные семейные вещи, они же подлежат наиболее бережной транспортировке.

В целом изучение трансфера вещей с учётом переменных обстоятельств переезда членов семьи позволяет проследить процессы семиозиса и коммеморации, глубже понять механизм функционирования семейной материальной культуры в различных исторических контекстах и прежде всего в современных условиях возрастающей территориальной мобильности населения.

Список информантов:

1 — Женщина, 1978 г.р. Уроженка г. Бобров Воронежской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны.

2 — Женщина, 1966 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

3 — Женщина, 1982 г.р. Уроженка Тверской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

4 — Женщина, 1983 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

5 — Женщина, 1957 г.р. Уроженка Краснодарского края. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

6 — Женщина, 1981 г.р. Уроженка г. Мончегорска Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

7 — Женщина, 1988 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт пере-

езда в пределах Мурманской области.

8 — Женщина, 1958 г.р. Уроженка г. Кировск Мурманской области. С 1966 г. проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах города Апатиты Мурманской области.

9 — Женщина, 1968 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

10 — Мужчина, 1977 г.р. Уроженец г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 г. проживает в городе Апатиты Мурманской области.

11 — Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 г. проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Литература

1. Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв.ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист-филол. наук РАН. М: РОССПЭН. 2010. С. 290–298.
2. Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. London: AllenLane, 1979. 63 p.
3. Ракитных М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Томск, 2004. 23 с.
4. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 с.
6. Топоров В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. М., 1984. С. 164–185.
7. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С. 65–85.
8. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград «Наука», 1983. 192 с.
9. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: «Наука», 1989. С. 63–88.
10. Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 2–3.
11. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. 320 с.
12. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. С. 17–50.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
14. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
15. Мегилл А. Историческая эпистемология / Перевод М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
16. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31. М., 1956. С. 3–458.

17. Валенцова М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян // Живая старина. 2000. № 2. С. 11–13.
18. Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск: ПетроПолис, 2000. 223 с.
19. Юхнева Е. Дом для «старых русских» // Родина. 2003. № 10. С. 26–29.
20. Сулейманова Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореферат дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Чебоксары, 2007. 22 с.
21. Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42.
22. Соколова А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии // Живая старина. 2000. № 2. С. 17–22.
23. Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (к. XIX – н. XX в.). Новосибирск: «Наука», 2003. 158 с.
24. Наровская А.Н. Общие и локальные особенности интерьера белорусского народного жилища (к. XIX – н. XX в.): автореф. дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Минск, 1989. 22 с.
25. Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.: Гилем, 2001. 181 с.
26. Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 35–78.
27. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: «Наука», 1971. 288 с.
28. Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М.: «Наука», 1974. 320 с.
29. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1977. 359 с.
30. Уразманова Р.К. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. М.: «Наука», 1969. С. 96–118.
31. Фельдман М.А. Правдивая книга из начала 70-х гг. XX в.: произвольные загадки советской историографии. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (дата обращения: 27.04. 2015).
32. Миролюбова Л.Р. Вещная среда как феномен культуры / Под ред. доц. Н.А. Козловой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. 139 с.
33. Агапкина Т.А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.
34. Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.
35. Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.
36. Кляус В.Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.
37. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М.: Индрик, 1999. 376 с.
38. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: «Индрик», 2003. 528 с.
39. Багаж. Толковый словарь Даля. URL: <http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (дата обращения: 07.12.2016).

40. Багаж. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (дата обращения: 07.12.2016).
41. Багаж. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (дата обращения: 07.12.2016).
42. Багаж. Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh-2737.html> (дата обращения: 07.12.2016).
43. Дорожный. Толковый словарь Дмитриева. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (дата обращения 02.10.2014).
44. Щепанская Т.Б. Этнография техносферы: традиция и прогностика в фольклорном дискурсе водителей // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 162–183.
45. Васильев М.И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X–XX в. // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 64–74.
46. Васильев М.И. Русские лыжи: история развития // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 91–94.
47. Васильев М.И. Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2009. 47 с.
48. Васильев М.И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 151–164.
49. Лебедева А.А. Средства переноски тяжестей у восточных славян // Полевые исследования института этнографии / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1975. С. 19–28.
50. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
51. Разумова И.А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Сборник МАЭ, т. LVII. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 63–70.
52. Сулейманова О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования / Ред. акад. В.Т. Калинин. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. Вып.1. 2/2010 (2). С. 68–79.
53. Сулейманова О.А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. альм. Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. 2009. № 2 (67). С. 49–53.
54. Головнев А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 4–14. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (дата обращения: 20.01.2016).
55. Седакова О. Тема «доли» в погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.
56. Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

References

1. Razumova I.A. Migracionnyj opyt i formirovanie lokal'noj identichnosti zhitelej Kol'skogo Severa [Migration experience and the formation of local identity of the inhabitants of the Kola North], *Adaptacija narodov i kul'tur k izmenenijam prirodnoj sredy, social'nym i tehnogennym transformacijam*, Otv.red. A.P. Derevjanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov; Otd-nie ist-filol. nauk RAN, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 290–298. [in Russian]
2. Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods*, London: Allen Lane, 1979, 63 p.
3. Rakitnyh M.B. *Sociokul'turnaja priroda fenomena potreblenija v obshhestve postmoderna* [Socio-

- cultural nature of the phenomenon of consumption in the society of postmodernity]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 09.00.13., Tomsk, 2004, 23 p. [in Russian]
4. Bogatyrev P.G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art], Moscow, Iskusstvo, 1971, 511p. [in Russian]
 5. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovanija v oblasti slavjanskih drevnostej* [Studies in the field of Slavic antiquities], Moscow, 1974, 342 p. [in Russian]
 6. Toporov V.N. K simbolike okna v mifopojeticheskoj tradicii, *Baltoslavjanskije issledovanija* [To the symbolism of the window in the mythopoetic tradition], Moscow, 1984, pp. 164–185. [in Russian]
 7. Civ'jan T.V. Dom v fol'klornoj modeli mira (na materiale balkanskih zagadok) [House in the folklore model of the world (on the material of the Balkan riddles)], *Trudy po znakovym sistemam*, V. 10. Tartu, 1978, pp. 65–85. [in Russian]
 8. Bajburin A.K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan* [Dwelling in rites and representations of the Eastern Slavs], Leningrad, Nauka, 1983, 192 p. [in Russian]
 9. Bajburin A.K. Semioticheskie aspekty funkcionirovanija veshhej [Semiotic aspects of the functioning of things], *Etnograficheskoe izuchenie znakovyh sredstv kul'tury*, Leningrad, Nauka, 1989, pp. 63–88. [in Russian]
 10. Bajburin A.K. O zhizni veshhej v tradicionnoj kul'ture [On the life of things in traditional culture], *Zhivaja starina*, 1996, No. 3, pp. 2–3. [in Russian]
 11. Sedakova O.A. *Pojetika obrjada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i juzhnyh slavjan* [Poetics of the rite. Funeral rites of the Eastern and Southern Slavs], Moscow, Indrik, 2004, 320 p. [in Russian]
 12. Nora P. Problematika mest pamjati [Problems of places of memory], *Francija – pamjat'*, Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 1999, pp. 17–50. [in Russian]
 13. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory], *Neprikosnennyj zapas*, 2005, No. 2–3, pp. 8–27. [in Russian]
 14. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity], Moscow, Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, 368 p. [in Russian]
 15. Megill A. *Istoricheskaja epistemologija* [Historical Epistemology], Perevod M. Kukarcevoj, V. Kataeva, V. Timonina, Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitacija, 2007, 480 p. [in Russian]
 16. Blomkvist E.Je. Krest'janskije postrojki russkih, ukraincev i belorusov (poselenija, zhilishha i hozjajstvennye stroenija) [Peasant constructions of Russians, Ukrainians and Byelorussians (settlements, dwellings and economic buildings)], *Vostochnoslavjanskij jetnograficheskij sbornik. Oчерki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v XIX — nachale XX v.*, Trudy In-ta jetnografii AN SSSR, V. 31, Moscow, 1956, pp. 3–458. [in Russian]
 17. Valencova M.M. Semantika i simbolika «verha» doma v obrjadnosti slavjan [Semantics and symbols of the "top" of the house in the ritual of the Slavs], *Zhivaja starina*, 2000, No. 2, pp. 11–13. [in Russian]
 18. Permilovskaja A.B. *Severnij dom* [Northern house], Petrozavodsk, PetroPolis, 2000, 223 p. [in Russian]
 19. Juhneva E. Dom dlja «staryh russkih» [House for the "old Russian"], *Rodina*, 2003, No. 10, pp. 26–29. [in Russian]
 20. Suleymanova D.N. *Inter'er zhilishha volgo-ural'skih tatar: razvitie i etnokul'turnaja specifika* [Interior of dwelling of the Volga-Ural Tatars: development and ethno-cultural specifics]: avtoreferat diss. ... k.i.n: 07.00.07, Cheboksary, 2007, 22 p. [in Russian]
 21. Krinichnaja N.A. Krasnyj ugol: ob istokah i semantike sakral'nogo lokusa (po severnorusskim materialam) [Red corner: the origins and semantics of the sacral locus (according to North Russian materials)], *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2009, No. 2, pp. 28–42. [in Russian]
 22. Sokolova A.V. Etnokul'turnaja specifika evrejskogo doma v Podolii [Ethnocultural specificity of the Jewish house in Podolia], *Zhivaja starina*, 2000, No. 2, pp. 17–22. [in Russian]
 23. Alekseeva E.K. *Oчерki po material'noj kul'ture evenov Jakutii (k. XIX – n. XX v.)* [Essays about the material culture of the Evens of Yakutia (in the 19th – 20th century)], Novosibirsk, Nauka, 2003, 158 p. [in Russian]
 24. Narovskaja A.N. *Obshhie i lokal'nye osobennosti inter'era belorusskogo narodnogo zhilishha (k. XIX – n. XX v.)* [General and local features of the interior of the Belarussian folk dwelling (to the XIX – XX

- century)): avtoref. diss. ... k.i.n: 07.00.07, Minsk, 1989, 22 p. [in Russian]
25. Sadikov R.R. *Poselenija i zhilishha zakamskih udmurtov (material'nyj i duhovnyj aspekty)* [Settlements and dwellings of the Zakamsk Udmurts (material and spiritual aspects)], Ufa, Gilem, 2001, 181 p. [in Russian]
 26. Haruzin N.N. Oчерк istorii razvitija zhilishha u finnov [An outline of the history of the development of the dwellings of the Finns], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1895, No. 1, pp. 35–78. [in Russian]
 27. Krupjanskaja V.Ju., Polishhuk N.S. *Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX – nachalo XX v.)* [Culture and way of life of the workers of the mining Ural (late XIX – early XX century)], Moscow, Nauka, 1971, 288 p. [in Russian]
 28. Krupjanskaja V.Ju., Budina O.R., Polishhuk N.S., Juhneva N.V. *Kul'tura i byt gornjakov i metallurgov Nizhnego Tagila (1917–1970)* [Culture and life of miners and metallurgists in Nizhny Tagil (1917–1970)], Moscow, Nauka, 1974, 320 p. [in Russian]
 29. Anohina L.A., Shmeleva M.N. *Byt gorodskogo naselenija srednej polosy RSFSR v proshlom i nastojashhem* [Life of the urban population of the middle part of the RSFSR in the past and present], Moscow, Nauka, 1977, 359 p. [in Russian]
 30. Urazmanova R.K. Osobennosti formirovanija i osnovnye cherty byta rabochih-neftjanikov tatar jugovostoka Tatarii [Features of the formation and the main features of the life of oil workers ta-tar southeast of Tatarstan], *Etnograficheskoe izuchenie byta rabochih v SSSR*, Moscow, Nauka, 1969, pp. 96–118. [in Russian]
 31. Fel'dman M.A. *Pravdivaja kniga iz nachala 70-h gg. XX v.: neproizvol'nye zagadki sovetskoj istoriografii* [A true book from the early 70's. XX century: the involuntary riddles of Soviet historiography]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (Accessed: 27.04. 2015). [in Russian]
 32. Miroljubova L.R. *Veshhnaja sreda kak fenomen kul'tury* [The material environment as a phenomenon of culture], Pod red. doc. N.A. Kozlovoj, Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1986, 139 p. [in Russian]
 33. Agapkina T.A. Koncept dvizhenija v obrjadovoj mifologii slavjan (na materiale vesennee kalendar-nogo cikla) [The concept of movement in the ritual mythology of the Slavs (based on the material of the spring calendar cycle)], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 213–254. [in Russian]
 34. Toporov V.N. Ob odnom iz paradoksov dvizhenija. Neskol'ko zamechanij o sverh-jempiricheskom smysle glagola «stojat'», preimushhestvenno v specializirovannyh tekstah [About one of the paradoxes of movement. A few remarks about the super-empirical sense of the verb "to stand", mainly in specialized texts], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 7–88. [in Russian]
 35. Tolstaja S.M. Akcional'nyj kod simvolicheskogo jazyka kul'tury: dvizhenie v ritual [The active code of the symbolic language of culture: movement in the ritual], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 89–103. [in Russian]
 36. Kljaus V.L. Dvizhenie ljudej/dvizhenie predmetov v zabajkal'skom svjatochnom obrjade zavalivanija vorot [The movement of people / movement of objects in the Transbaikalian sacred rite of collapsing the gate], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 271–283. [in Russian]
 37. Civ'jan T.V. *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira* [Movement and path in the Balkan model of the world], M., Indrik, 1999, 376 p. [in Russian]
 38. Shhepanskaja T.B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th–20th centuries], Moscow, Indrik, 2003, 528 p. [in Russian]
 39. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Dalja*. URL: <http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 40. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Ushakova*. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 41. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Ozhegova*. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 42. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Efremovoj*. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh->

- 2737.html (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
43. Dorozhnyj [Road]. *Tolkovyj slovar' Dmitrieva*. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (Accessed: 02.10.2014). [in Russian]
 44. Shhepanskaja T.B. Etnografija tehnosfery: tradicija i prognostika v fol'klornom diskurse voditelej [Ethnography of the technosphere: tradition and prognostication in the folklore discourse of drivers], *Aspekty budushhego po etnograficheskim i fol'klornym materialam: Sb. nauch. st., Otv. red. T.B. Shhepanskaja, Saint Petersburg, MAJe RAN, 2012, pp. 162–183.* [in Russian]
 45. Vasil'ev M.I. K voprosu o sisteme russkih transportnyh kommunikacij X–XX v. [To the question of the system of Russian transport communications of the 10th-20th c], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, No. 5, pp. 64–74. [in Russian]
 46. Vasil'ev M.I. Russkie lyzhi: istorija razvitija [Russian skis: the history of development], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, No. 2, pp. 91–94. [in Russian]
 47. Vasil'ev M.I. *Russkie suhoputnye kommunikacii i skol'zjashhij transport X – nachala XX vekov: osnovnye tendencii razvitija* [Russian land communications and sliding transport X – the beginning of the XX-th centuries: the basic tendencies of development]: avtoref. dis. ... dokt. istor. nauk: 07.00.07, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gos. universitet, 2009, 47 p. [in Russian]
 48. Vasil'ev M.I. Sani v russkom pogrebal'nom obrjade: istorija izuchenija i problema interpretacii [o the question of the system of Russian transport communications of the 10th-20th c], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, No. 4, pp. 151–164. [in Russian]
 49. Lebedeva A.A. Sredstva perenoski tjazhestej u vostochnyh slavjan [Means of carrying loads by the Eastern Slavs], *Polevye issledovanija instituta etnografii*, Akad. nauk SSSR, In-t jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja, Moscow, Nauka, 1975, pp. 19–28. [in Russian]
 50. Razumova I.A. *Potaennoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija* [A secret knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History], Moscow, Indrik, 2001, 376 p. [in Russian]
 51. Razumova I.A. Semejnye relikvii [Family relics], *Zhenshhina i veshhestvennyj mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy*, Sbornik MAJe, t. LVII, Saint Petersburg, «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1999, pp. 63–70. [in Russian]
 52. Suleymanova O.A. «Semejnye veshhi»: k interpretacii ponjatija ["Family things": to the interpretation of the concept], *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija*, Red. akad. V.T. Kalinnikov, Apatity, izd-vo KNC RAN, 2010, Part.1. 2 / 2010 (2), pp. 68–79. [in Russian]
 53. Suleymanova O.A. Semejnye relikvii kak social'naja sobstvennost' [Family relics as social property], *Nauka i biznes na Murmane: Nauch.-prakt. al'm.*, Murmansk, Kn. izd-vo, 1996: Goroda Zapoljar'ja: social'no-antropologicheskie i social'no-ekonomicheskie aspekty, 2009, No. 2 (67), pp. 49–53. [in Russian]
 54. Golovnev A.V. Dorozhnaja karta antropologii dvizenija [Road map of anthropology of movement], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2012, No. 2 (35), pp. 4–14. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (Accessed: 20.01.2016). [in Russian]
 55. Sedakova O. Tema «doli» v pogrebal'nom obrjade [The theme of "share" in the funeral rite], *Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury: (Pogrebal'nyj obrjad)*, Moscow, 1990, pp. 54–63. [in Russian]
 56. Eljutina M.Je. Pozhilye ljudi i starye veshhi v povsednevnoj zhizni [Elderly people and old things in everyday life], *Sociologicheskie issledovanija*, 2009, No. 7, pp. 101–109. [in Russian]